

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Задавшись мыслью изложенія жизни и мнѣній трехъ языческихъ философовъ, я старался приложить всѣ усилія и знанія, чтобы изложить это въ болѣе популярной формѣ. Въ заглавіи книги они называются искателями Бога, и дѣйствительно, они заслуживаютъ этого названія—если вообще можно дать людямъ такое названіе—такъ какъ они, вращаясь въ крайне развращенномъ обществѣ, посвятили себя самымъ серьезнымъ исканіямъ тѣхъ истинъ, которыя болѣе всего могутъ приблизить человѣка къ образу Божію.

Божественныя слова Спасителя: «просите и дано будетъ вамъ; ищите и найдете; стучите и отворятъ вамъ» ¹ не относятся исключительно

¹) Матѳ. VII, 7.

къ христіанамъ. Дѣйствительно, было бы горькимъ и слѣпо приверженнымъ взглядомъ міровой исторіи, еслибы она не признала высокаго знамени нравственности и опыта, полученнаго язычниками помощію благодати Святого Духа. Мы знаемъ, что между ними были такіе, добродѣтель и милосердіе которыхъ, несмотря на ихъ не блестящее и ограниченное знаніе, можетъ заставить многихъ христіанъ краснѣть; мы можемъ повѣрить съ непритворной признательностью, что «въ поискахъ за Богомъ, если они будутъ слѣдовать Ему, найдутъ Его». Они научились признавать глубокую и облагораживающую истину, выраженную нѣкоторыми изъ ихъ поэтовъ: «Онъ не далекъ отъ каждаго изъ насъ, потому что въ Немъ мы живемъ и движемся и имѣемъ свое бытіе».

Эпиктетъ и Маркъ Аврелій не только были самыми прозорливыми моралистами среди древнихъ философовъ, но также (единственное исключеніе—Сократъ) самыми лучшими и святыми характерами, какіе представлены намъ въ запискахъ древности. Во многихъ отношеніяхъ Сенека совершенно недостойнъ занять мѣсто рядомъ съ ними,

но я не покушался критиковать его ужасную непоследовательность. Однако, несмотря на всё его погрѣшности, онъ былъ прекраснымъ человекомъ.

Если бы я могъ больше вдаться въ разсмотрѣніе его сочиненій, что составляло часть моего первоначальнаго плана, то, вѣроятно это поставило бы его выше въ глазахъ читателя; но я вдался въ подробности его жизни, потому что моей цѣлью было показать, каковы въ то время были нравственные и политическія условія римской имперіи, и въ какой атмосферѣ приходилось дѣйствовать христіанскому вліянію. Двѣ послѣдующія біографіи покажутъ намъ, какъ въ каждомъ положеніи жизни достаточно милость Божія, чтобы приспособить человека успѣшно бороться съ массой встрѣчающихся ему на пути соблазновъ,—достаточно, чтобы сдѣлать каждого человека чистымъ, святымъ,—достаточно, чтобы внушить смиреніе, терпѣніе, любовь неподлежащему отвѣтственности римскому императору и довольство, и свободу, и имперское великодушіе «фригійскому рабу».

Люди иногда говорятъ и пишутъ, какъ будто

языческая истина одно, а христіанская—другое. Но истина исходитъ только отъ Того, Кто Самъ есть истина, и ни одинъ іудейскій пророкъ, ни языческій философъ не могутъ достигнуть ея безъ Его помощи. Читатель не вѣрно бы понялъ, если бы на предлагаемыхъ страницахъ видѣлъ прославленіе стоицизма въ сравненіи съ христіанствомъ.

Сенека, Мусоній Руфъ, Эпиктетъ, Маркъ Аврелій могли учиться у смиреннѣйшаго христіанскаго ребенка объ утѣшеніи, о надеждѣ, что могло позолотить ихъ жизнь чуждой радостью и счастьемъ, могло смягчить всякое горе, сломить силу всякаго соблазна, облегчить тяжесть всякой заботы. И однако, со всѣмъ нашимъ знаніемъ и просвѣщеніемъ мы впадаемъ часто въ ошибки; мы менѣе строги къ нашимъ ошибкамъ, менѣе на-сторожѣ, менѣе нѣжны другъ къ другу. Съ нашими возвышенными способностями, съ нашей увѣренной надеждой, съ нашими средствами милосердія, что должны были бы мы представлять собой? Мы должны были бы достигнуть болѣе возвышенныхъ нравственныхъ качествъ, чѣмъ они, но мы не до-

стигли этого. Согласимся къ нашему стыду и великой печали, что нѣкоторые среди этихъ язычниковъ были благороднѣе, возвышеннѣе, святѣе, болѣе далеки отъ тщеславія, низости, лжи, болѣе разумны, даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе просвѣщены, чѣмъ многіе изъ насъ. Можетъ быть, созерцаніе добродѣтели, ревности, честности, постоянства, даже въ языческой жизни можетъ произвести на насъ хотя безконечно малое дѣйствіе, возбуждая нѣкоторыхъ изъ насъ къ желанію болѣе возвышеннаго и героическаго въ религіи, и думаю, что все это произведетъ большее дѣйствіе, чѣмъ то, которое мы получаемъ отъ современной жизни. Если это вѣрно, то эти строки не напрасно написаны.

Ф. В. Фарраръ.

ВВЕДЕНИЕ.

На берегахъ Бетиса, современнаго Гвадалквивира, среди лѣсовъ, покрывающихъ южные склоны Сіерры Морены, лежитъ прекрасный, знаменитый городъ Кордова. Марцеллъ основалъ здѣсь римскую колонію, и многіе знатные римляне и испанцы избрали его своей резиденціей, такъ что Августъ далъ этому городу почетное прозвище «патриціанской колоніи». Въ этотъ періодъ имперіи Испанія оказывала большое вліяніе на литературу и политику Рима, тѣмъ болѣе, что три великихъ римскихъ императора — Траянъ, Адріанъ и Θεодосій были испанцы по происхожденію. Колумелла — писатель агрономъ — родился въ Кадиксъ, Квинтилианъ — великій педагогъ и ораторъ — въ Калагоррѣ, и поэтъ Марціалъ — въ Билбилисѣ; но на

долю Кордовы выпала честь быть мѣстомъ рожденія Сенеки, — честь, которая заслужила ей эпитетъ «краснорѣчивой». Въ наше время путешественникамъ показываютъ развалины, которыя народъ называетъ «домомъ Сенеки» — это обстоятельство доказываетъ, что городъ сохранилъ хотя нѣкоторое воспоминаніе о своихъ знаменитыхъ сынахъ.

Отецъ философа — Маркъ Анней Сенека былъ римскимъ всадникомъ по происхожденію. Мы не знаемъ, какія причины побудили его или его родителей поселиться въ Испаніи. Происхожденіе именъ Анней и Сенека тоже остается темнымъ: есть смутное предположеніе, что оба имени составляютъ намекъ на долговѣчность одного изъ родоначальниковъ этой семьи, причемъ слово Анней сопоставляютъ съ *annus* — годы, а Сенека съ *senex* — старецъ. Общеизвѣстное растеніе, одуванчикъ, называлось *senecio* отъ бѣлыхъ пушистыхъ сѣмянъ, и на этомъ основаніи Исидоръ говоритъ, что «первый Сенека былъ названъ такъ, потому что родился сѣдымъ».

Хотя отецъ Сенеки и былъ всадникъ, но

его семья никогда не играла роли въ имперіи, онъ принадлежалъ къ числу «новыхъ людей», и мы не знаемъ, происходилъ ли онъ изъ Испаніи или изъ Рима. Но мать Сенеки, Гельвія—необыкновенное имя, которое, по странному совпаденію, носила и мать Цицерона, — была испанская аристократка; отъ нея-то Сенека, а также и его извѣстный племянникъ, поэтъ Луканъ, унаслѣдовали многія отличительныя черты своего ума и характера.

Испанцы обладали богатымъ, пылкимъ воображеніемъ, живостью характера и «огненной и пылкой фантазіей» — всѣ эти свойства мы находимъ въ обоихъ упомянутыхъ писателяхъ, но они совершенно отсутствуютъ въ темпераментѣ римлянъ.

О Кордовѣ собственно Сенека упоминаетъ только въ одной эпиграммѣ и больше нигдѣ. Но эта эпиграмма свидѣтельствуетъ, что онъ былъ близко знакомъ съ судьбой этого города и ея выдающимися преданіями.

Сенека-отецъ жилъ въ Кордовѣ во время междоусобной войны, когда его родной городъ одинаково сопротивлялся и Помпею и Цезарю.

Онъ могъ бы не мало рассказать о благородномъ Серторіи и ручной лани, которая за-служила ему славу божественнаго посланника, и о днѣ ужаснаго бѣдствія, когда Цезарь, съ негодованіемъ узнавъ, что Кордова перешла на сторону сыновей Помпея, отомстилъ ей, истребивъ 22000 жителей.

Отъ своей матери, Гельвіи, Сенека, вѣроятно, часто слышалъ объ упорной и славной борьбѣ, съ которой его страна сопротивлялась желѣзному игу римлянъ; еще мальчикомъ онъ зналъ, какъ герой Сагунта долго отбивалъ приступы Ганнибала и разстраивалъ его побѣды; какъ храбро сражался Вириатусъ и какъ постыдно онъ палъ; какъ окончилась наконецъ эта неравная борьба, приведшая Испанію въ положеніе римской провинціи, и какъ геройскіе защитники Нумантіи предпочли обратить свой городъ въ пепелъ, нежели сдаться Сципіону.

Но какъ ни велико было вліяніе испанской крови, текшей въ жилахъ Сенеки, и испанскихъ легендъ, занимавшихъ его въ юности, судьба его сложилась не здѣсь. Онъ былъ еще ребенкомъ, когда его отецъ переселился со всѣмъ